

Куклин А. Н.

ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИКТОВЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А. П. Дульзон (09.11.1900–15.01.1973) известен в уралистике как ученый весьма широкого диапазона, как создатель многих новых принципов исследования самодийских языков. Известны его огромные заслуги в области изучения дорусского населения Западной Сибири: чулымских татар, кетского и селькупского языков, енисейско-чукотско-корякских языковых связей в области спряжения, общностей глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, одинаковых черт индоевропейских языков с енисейскими в области склонения и др. Стержневой доминантой научного интереса А. П. Дульзона является исследование гидронимической лексики, в частности истории ее происхождения и смыслового содержания.

Заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен, так как они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, – древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик. К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания.

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глоттогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири (гидронимы-двойники).

Ключевые слова: *А. П. Дульзон, Урало-Поволжье, топонимия.*

Андрей Петрович Дульзон (09.11.1900–15.01.1973) известен в уралистике как ученый весьма широкого диапазона, как создатель многих новых принципов исследования самодийских языков. Известны его огромные заслуги в области изучения дорусского населения Западной Сибири, чулымских татар, кетского и селькупского языков, енисейско-чукотско-корякских языковых связей в области спряжения, общностей глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими, одинаковых черт индоевропейских языков с енисейскими в области склонения и др.

Стержневой доминантой научного интереса А. П. Дульзона является исследование гидронимической лексики, в частности истории ее происхождения и смыслового содержания. Географические названия, или топонимы, как они обычно именуется в научной литературе, являются самым емким, очень экономным и поистине универсальным «кодовым» хранилищем информации о самодийских, тюркских, индоевропейских и других языках народов Сибири. И у географических названий есть удивительная способность «оживлять» эту память. В качестве примера подобных явлений можно привести исследования А. П. Дульзона: «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (Ученые записки Томского гос.

пед. института. Т. 6. Сер. физ.-мат. и естест.-геогр. наук. Томск, 1950); «Былое расселение кетов, по данным топонимики» (Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия. М., 1962); «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока» (Языки и топонимия Сибири. Вып. 2. Томск, 1970) и другие, которые освобождают от необходимости рассматривать многие этногенетические процессы «сквозь археологические очки».

В связи с этим заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен, так как они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, – древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик в результате ряда сложнейших изменений: путем отсечения тех или иных частей; скрещения данного слова с другим инородным (гибридизация); путем субституции звуков первоначального языка звуками последующего; путем новой морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, сменившего предыдущий; путем более или менее полного переосмысления старого названия в целом или отдельных его частей, что неизменно влечет за собой и те или иные внешние изменения... (Дульзон, 1950: 175).

К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания.

Вопрос об угорском субстрате в топонимии Урало-Поволжья не является чем-то абсолютно новым. Он привлекает внимание лингвистов с давних пор (Куклин, 1990: 118–123). Причем неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных ученых в определении угорских элементов в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них.

Что касается самодийского субстрата в названиях местностей Восточной Европы, то он в лингвистической науке прямо не ставился. Однако отдельные исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Урало-Поволжья, в частности названий речных объектов Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментарных экскурсов на самодийские языковые данные (Галкин, 1991: 38, 96–97, 128).

Первым из исследователей, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. Европеус (1868, 1872, 1874). Так, в своей статье «Къ вопросу о народахъ, обитавших въ средней и северной Россіи до прибытія славянъ» он выразился так: «Въ теченіе более чемъ десяти летъ я имелъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чемъ убедился, что эти дорусскія названія местностей, встречающіяся въ северной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до реки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхождения, то есть принадлежатъ языку прадедовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ» (Европеусъ, 1868: 58).

Как явствуют высказывания Д. Европеуса, вопрос о западной, южной и северной границах угорской топонимии был поставлен лишь им, который и пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоявшая перед исследователем, – вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, и объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия *Вычегда* он считает композиту *Вытшагет*, где *быт* ‘вода’, *шагет* ‘рукав’, т. е. водяной рукав; приток, изобилующий водой. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет*, что означает ‘зверь-приток’. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимобразовании, как он замечает, относятся: *-егда*, *-огда* (*Вычегда*, *Печегда*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящих

к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* 'рукав': *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Лапшенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и др. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* в северной России он насчитал до 339, в Финляндии таких названий – 162 (Европеус, 1868: 58–71).

Следует, впрочем, заметить, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А. В. Поповым в статье «К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии» (1926: 131–132).

Под иным углом зрения рассматривает ее А. И. Туркин в тезисах своего доклада «Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв.», отмечая, что «нельзя отрицать существования в севернорусской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа» (Туркин, 1967: 26–28).

Кроме этой статьи А. В. Попов анализирует еще две работы Д. Европеуса: «О курганных раскопках около погоста Бежец» (Журнал Министерства народного просвещения. Декабрь 1872) и «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей» (Санкт-Петербург, 1874). Сосредоточив внимание на их основном содержании, А. В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга*, *юга*, *ого*, *его* и явное сходство с ними финских: речка – *joki*, саам. *joga*, хант. *jega*, *joga*; манс. *je*, *ja*, комиЗ *ju*; во второй им дается список 36 угорских окончаний названий местностей в Финляндии, в северной и средней России (Попов, 1926: 132).

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, следует, однако, заметить, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, что касается охвата лингвистических данных языков финской ветви, то он сведен до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из поля зрения. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга*, *Успеченга*, *Печеиенгъ* возводится им к угорским источникам. По его мнению, «*Печеиенгъ* значить по остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по остяцки и по вогульски значит сосновая» (Европеус, 1868: 62). В северной полосе России он насчитал 11 гидрообъектов с таким названием. Правда в своей работе «Об угорском народе, обитавшемъ въ средней и северной Россіи, въ Финляндіи и въ северной части Скандинавіи до прибытія туда нынешнихъ ихъ жителей» он уверенно сообщает о наличии 15 рек с названием Печенга, из них 14 находятся в разных местах северной России, а одна – в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, ср., например, *Печенга* – один из притоков енисейского Пита, а также средних притоков Алдана (Мурзаев, 1974: 191).

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) *йенэ* 'большая река; исток реки' и селькупское *-га/*-ка* 'река' (Куклин, 1995б: 190). В этой связи уместно привести одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке – притоках Енисея. – А. К.) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними» (Дульзон, 1962: 64).

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть

может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а поэтому малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Севера Восточной Европы, то они весьма напоминают этнические процессы Урало-Поволжья (Куклин, 1995а: 86). Так, Л. Н. Жеребцов в «Кратком очерке этнической истории древнейшего населения бассейнов Вычегды и Печоры», ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита имели место две волны заселения: первая была из Прикамья, вторая – из более дальнего района – из Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым*, *-им*, *-ум* Б. А. Серебренников относит к «западно-сибирским», предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с этим подмечено, что этническая принадлежность западно-сибирского населения Б. А. Серебренниковым не указана. В этом отношении, как далее отмечает Л. Н. Жеребцов, показательна работа А. К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и полагающего возможность обитания к северу от предков финно-угров палеосибирских племен («палеосибирским», как замечает А. К. Матвеев (1961: 135), называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири А. П. Дульзон. – А. К.), языки которых могли быть в какой-то степени родственны древним уральским (Жеребцов, 1982: 19–21).

Здесь следует, однако, уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимики, как подчеркивает А. К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически дообскоугорская гидронимика не отличается от уральских (финно-угро-самодийских) топонимов, но допустимо также, что она связана с неизвестными нам неуральскими языками палеосибирского происхождения (Матвеев, 1961: 135–136).

А. К. Матвеев придерживается и другого мнения. В одной из своих статей он сообщает: «Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие» (Матвеев, 1987: 49). По словам А. К. Матвеева, мнение о том, что места былого обитания манси находились к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Каннисто (1927) и А. Ф. Теплоухов (1924: 81–112), не подтверждается фактами.

В связи с этим следует заметить, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье отмечаются и в других работах (Вишневский, 1960: 255–269; Петровых, 1960: 275–277; Теплоухов, 1960: 270–274), которые, однако, остались вне поля зрения А. К. Матвеева.

К точке зрения лингвистов и археологов до известной степени примыкают и высказывания коми-фольклориста А. К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров: после отделения венгров от восточных угров в I тысячелетии до н. э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII–XIV вв. окончательно переселились с западных склонов Урала в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермянами. При этом, развивая мысли лингвистов, он справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий ко времени соседства пермян и угров на западных склонах Урала, – до X–XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, – XVI–XIX вв.), которые подтверждаются и исследованиями фольклористов. Так, архаический, или древний, пласт, по словам А. К. Микушева, представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и так называемыми импровизационными «песня-

ми судьбы» и, во-вторых, пермским родоплеменным эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре, а также ижемскими лироэпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй по времени пласт, как считает он, образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По его мнению, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, северно-коми-ижмоколвинский эпос, возникший в XVI–XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций (Микушев, 1981: 7–8).

Как явствует вышеизложенное, существует достаточно оснований говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. Кроме того, в отдельных названиях с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы. Поэтому следует полагать, что в их сложении определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, название рек *Большой* и *Малой Юнги*, по-марийски *Кого Йынты* и *Арйынгы*, впадающих с правой стороны в Волгу на территории Горномарийского района Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* ‘вода’ (Галкин, 1991: 146), ср. манс. *вить* ‘вода’ (Кузакова, 1994: 47).

Однако, судя по семантике и внешнему сходству, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* ‘речка’, ‘короткая протока’, что позволяет сделать вывод об его уральском происхождении (Куклин, 1995а: 96).

При этом достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Причем процедура семантической реконструкции лексемы значительно облегчается благодаря общему объему информации, почерпнутого из разных источников (археологических, этнографических, фольклорных и иных), которые нередко могут указать исследователю прямой путь к истине (как относительной, так и абсолютной).

Практика этимологических изысканий свидетельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексемы становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексемы, воссоздание ее стертой исходной семантики и интерпретация современного ее функционирования в топонимической системе Урало-Поволжья, как правило, ведет исследователя к анахронизмам и даже выводам, которые никак не согласуются с подлинной лингвистической картиной прошлого региона. Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский языковой субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретным примером. Так, отгидронимный ойконим *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. В связи с этим препозитивный компонент ойконима справедливо им сопоставляется с комиЗ *шор* и удм. *шур* ‘ручей’. Что касается второго компонента, то он подчеркивает, что в нем легко угадывается комиЗ *удж* ‘нельма’ (ср. манс. *пий* ‘нельма’ – ценная промысловая рыба северных рек и морей семейства лососевых), обращая при этом внимание на неслучайность сопоставления соответствием мар. инлаутного сочетания *-нч-* комиЗ *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаш* ‘переходить’ – комиЗ *вуджны* ‘переправиться, перейти’; мар. *йончаш* ‘сочиться, просачиваться’ – комиЗ *йиджны* ‘всасываться впитаться; просачиваться’ (Казанцев, 1985: 39).

Однако, принимая во внимание неоднородность рефлексации финно-угорского консонантного сочетания *-пё-* в марийском и коми языках, трудно предположить в этом процессе строго закономерное явление. К сказанному надо добавить, что изменение **-пс-* в языке коми в большинстве случаев сопровождалось дизрезой сонанта *n* с последующим озвончением аффрикаты *С*. В определенном круге инновационная аффриката *З* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента превратилась в *Z*.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания *-nc- происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение его до одинарного звука вследствие устранения сонанта *n*; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции – характерное явление для многих диалектов. Ср., например: мар. *куч*, коми *гыж*, морд. *Кенже* ‘ноготь’; ф.-у. **сепсз* ‘утка’ > коми *чбж*, диал. *sez*, мордЭ *шенже* ‘дикая утка’ (ОФУЯ, 1974: 417); ф.-у. **рапёе-* ~ *расе-* ‘открывать, отворять’, марГ *пачаиш*, марЛ *почаиш*, мордЭ *панжомс*, мордМ *панжемс* ‘открыть’, хант. *рүпё-* (ОФУЯ, 1974: 418); мар. *вонч-* [wopz-] ‘переходить’, ‘переезжать’ комиЗ *вудж-* [уиз-] (ОФУЯ, 1974: 145), морк.-серн. *пун'чо*, *пун'д'ж'о*, КУ, волж. *пун'д'ж'о*, марГ *пынжы* ‘сосна’, комиЗ *пожбм* ‘сосна’ < урал. **репса/реса* ‘сосна’ (Терентьев, 1979: 160).

Приведенные примеры лишней раз убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем *Уньжа/Унчо* и комиЗ *удж* ‘нельма’. Между тем ключ к установлению происхождения гидронима *Уньжа* дают его западно-сибирские двойники, ср. например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: *Унжа*, р., лев. приток р. Каилки; *Квенал-унжа*, р., правый приток р. Пайдугины; *Пуныл-ундж*, р., лев. приток р. Чижапки, где модифицированное русским языком слово *унжа* восходит к сельк. *унджь* ‘ручей, речка’ (Беккер, 1970а: 16–18). По наблюдениям Э.Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов – *унджь* (1970б: 10). Судя по приведенным материалам, гироним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Между тем для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой создавался топоним *Шор-Уньжа* (Моркинский район Марий Эл), значительный интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г.А. Архипова, Д.Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских вещей от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V–VII вв. н.э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Исходя из этого, Шоруньжинский могильник он относит к числу азелинских памятников (Казанцев, 1985: 39).

Однако такой вывод является неправомерным. Этому противоречит в первую очередь то обстоятельство, что Младший Ахмыловский могильник, как замечает Г.А. Архипов, имеет много отличительных признаков: в нем представлены три разнокультурных комплекса вещей. На этом фоне конкретизирующим представляется следующее его высказывание: «Азелинцы, по видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом» (Архипов, 1967: 48). Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть еще одну работу Г.А. Архипова, содержащую полярно противоположный вывод о том, что «материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен» (Архипов, 1976: 106). В связи с этим нелишне отметить, что, согласно мнению специалиста по средневековой археологии удмуртов М.Г. Ивановой, «памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются ею (Р.Д. Голдиной. – А.К.) в рамках пьяноборской и худяковской культур» (Иванова, 1994: 39).

В силу изложенного представляется, что к настоящему времени в археологических исследованиях накопилась довольно значительная совокупность противоречий, побуждающая серьезно усомниться в правильности установления этнической идентификации многих памятников Урало-Поволжья и исторической их интерпретации.

В контексте вышесказанного следует отметить о двух Шоруньжинских стоянках, открытых В.В. Никитиным в 1988 г. и охарактеризованных им как памятники эпохи мезолита (Никитин, Соловьев, 1990: 36–37, 200).

Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Урало-Поволжья. Так, К.З. Истомин, рассматривая ареал бытования памятников камской мезолитической культуры, указывает, что он занимает бассейн

р. Вятки, достигая на западе правобережья Волги (Долгополянской 2 местонахождение), его восточной границей являются западные склоны Уральского хребта, северной – Камско-Вятский водораздел, а на юге он охватывает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К.З. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, акцентируя при этом, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), имеющим более древний облик, распространены в районах Среднего Зауралья и Западной Сибири (Истомин, 1933: 15–17).

Следует, кстати, отметить, что определением этнической принадлежности Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, они были стоянками самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема *Уньэса* (*Унчо*), имеющая, как указано выше, аналогию в селькупском языке. Позднее они, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. По существу эта версия подтверждается тополексемой *Шор*, р. общеперм. *sor* ‘ручей, поток, течение, река’ (КЭСК, 322). Диалекты удмуртского языка свидетельствуют о сужении общеперм. **О* в *и*, ср. удм. *sur* ‘большая река; речка, ручеек’ (Мупкасэг, 1990: 503).

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глотогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири. Ср., например, гидронимы-двойники (в качестве иллюстраций приводятся названия средних и небольших речных объектов, параллели в названиях больших рек, см.: (Куклин, 1995а: 90):

Западная Сибирь:

Буй, р., один из истоков р. Шакшы, лев. приток р. Болгу – бассейн Лебеди.

Пуу, р., лев. приток р. Бии (Молчанова, 1982: 37).

Волго-Камский регион:

Буй, р., прав. приток р. Вятки – Кировская обл., Марий Эл.

Буй, р. в Уфимской провинции, течет в Белую с правой стороны, другая – в Каму, выше Белой (Татищев, 1793: 200). Ср. мар. название реки Буй-Пу.

Ик, р., лев. приток р. Камы – Татарстан (Гарипова, 1991: 82).

Ик, р., прав. приток р. Аи – Белокатайский р-н Башкортостана.

Ик, р., прав. приток р. Киги – Кигский р-н Башкортостана.

Ик, рч., прав. приток р. Яйвы – Пермская обл. Ср. также Ик, р., впадающая в озеро Зайсан, – Казахстан.

Ик, р., прав. приток р. Берди – Новосибирская обл. (Саблина, 1968: 78).

Ик Черный, р., лев. приток Тобола – Западная Сибирь.

Ик, р., лев. приток р. Оши – бассейн Иртыша (Мурзаев, 1984: 231).

Икса, р., лев. приток Чаи – Томск.

Ир-Икса, р., прав. приток р. обл. Иксы, р., прав. приток Оби – Новосибирская обл. (Саблина, 1968: 79).

Большой Кокшаги – Марий Эл (Янтемир, 1926а: 11).

Ср. также:

Икса, р., лев. приток р. Тавды – Свердловская обл. (Матвеев, 1980: 104–105; 1987: 74–75).

Икса, р. в бассейне Мезени (Мурзаев, 1984: 231).

Икша, рч., лев. приток р. Ветлуги (Янтемир, 1927а: 10).

Икша, рч. по левую сторону р. Ветлуги (НГ, 1863: 114).

Кинер, р., лев. приток р. Кондомы – Кемеровская обл. (Мытарев, 1970: 73).

Кукша, рч., лев. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 93).

Кинер, р. в Малмыжском р-не Кировской области.

Кенэр (Кинер), р. в Арском р-не Татарстана (Арсланов, 1995: 282).

Кукша, рч., лев. приток р. Рутки (Янтемир, 1926в: 11).

Она, р., лев. приток р. Лажа – Марий Эл (Янтемир, 1927б: 9).

Она, р., лев. приток р. Немды – Марий Эл (Янтемир, 1929: 8).

Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название Она (Мельхеев, 1986: 104).

Ср. также Она, р., прав. приток р. Мезени.

Сума, р., приток р. Чулыма (Саблина, 1968: 87).

Уса, р., прав. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 190).

Шегарка, р., лев. приток р. Оби (Воробьева, 1973: 141).

Большая Шора, р., лев. приток р. Томи (Мытарев, 1970: 29).

Малая Шора, р., лев. приток р. Большая Шора (Мытарев, 1970: 106).

Сумка, р., прав. приток р. Волги – Марий Эл (Янтемир, 1927а: 8).

Сумка, рч., приток р. Волги – Звениговский р-н Марий Эл (Янтемир, 1926б: 8).

Уса, рч. – Мамадышский уезд Казанской губернии (Износковъ, 1882: 48).

Шугарка, р., лев. приток р. Юшута – Марий Эл (Янтемир, 1927в: 8).

Шора, р., лев. приток р. Илети – Марий Эл, Татарстан.

Шора, р., прав. приток р. Юшута – Марий Эл.

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвоисторического исследования на весьма значительном и многообразном по характеру материале.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы диахронических исследований будут, вероятно, зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализовываться принципы системности и историзма в подходе к топонимическому материалу. Остается заметить в связи с этим, что семантическая реконструкция реликтовой тополексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономотологии.

Сокращенные названия языков и диалектов

волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка;

диал. – диалектное слово;

комиЗ – коми-зырянский язык;

КУ – красноуфимский говор восточного наречия марийского языка;

манс. – мансийский язык;

мар. – марийский язык;

марГ – горное наречие марийского языка;

марЛ – луговое наречие марийского языка;

морд. – мордовские языки;

мордМ – мокша-мордовский язык;
мордЭ – эрзя-мордовский язык;
морк.-серн. – моркинско-сернурский говор лугового наречия марийского языка;
общеперм. – общепермский язык;
саам. – саамский язык;
сельк. – селькупский язык;
удм. – удмуртский язык;
урал. – уральские языки;
ф.-у. – финно-угорские языки;
хант. – хантыйский язык.

Сокращенные названия административно-территориальных делений и типов географических объектов

лев. – левый приток реки;
обл. – область;
прав. – правый приток реки;
р. – река;
р-н – район;
рч. – речка.

Список литературы

- Арсланов Л. О происхождении топонима Кенэр (Кинер) // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 1995. С. 281–283.
- Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа: материалы науч. сессии, проведенной МарНИИ (23–25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 36–52.
- Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 168 с.
- Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970а. Вып. 2. С. 16–18.
- Беккер Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970б. Вып. 3. С. 8–11.
- Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 255–269.
- Воробьева И. А. Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Западно-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.
- Галкин И. Е. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 158 с.
- Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Сер. физико-математических и естественно-географических наук. Томск: Изд-во ТГПИ, 1950. Т. 6. С. 175–187.
- Дульзон А. П. Былое расселение кетов, по данным топонимики // Вопросы географии: науч. сб. Моск. филиала Географ. об-ва Союза ССР. М.: Мысль, 1962. Сб. 58: Географические названия. С. 50–85.
- Европеусь Д. П. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и северной Россіи до прибытія славянъ // Журналь Министерства народнаго просвещения. С.-Петербургъ, 1868. Июль месяцъ. Ч. 139. С. 55–71.
- Европеусь Д. П. О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бежець Бежецкого уезда, Тверской губерніи // Журналь Министерства народнаго просвещения. С.-Петербургъ, 1872. Декабрь месяцъ.
- Европеусь Д. П. Об угорскомъ народе, обитавшемъ въ средней и северной Россіи, въ Финляндіи и въ северной части Скандинавіи до прибытія туда нынешнихъ ихъ жителей. С.-Петербургъ, 1874. 23 с.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX вв. М.: Наука, 1982. 224 с.

- Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с.: ил.
- Износковъ И. А. Списокъ населенныхъ местъ Мамадышскаго уезда. Приложеше къ его реферату «О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и соседнихъ съ нею губерніяхъ» // Два реферата, читанные на IV Археологическомъ сѣздѣ въ Казани въ 1877. Казань, 1882.
- Истомин К. Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // Древние памятники приустьевого Закамья: материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Казань: Изд-во КГУ, 1993. Вып. 1. С. 5–19.
- Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 160 с.
- Кузакова Е. А. Словарь манси (восточный диалект) / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1994. 315 с.
- Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3 с. Sessiones sectionum Linguistica. Debrecen, 1990. С. 118–123.
- Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации волго-камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995a. № 22 (XXXI). С. 86–99.
- Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-еньга // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995b. № 23 (XXXI). С. 188–195.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 388 с.
- Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 г. Итоги и проблемы изучения археологии Урала / Уральск. филиал науч.-техн. совета по гуманитар. наукам при МВ и ССР РСФСР. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 133–141.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 320 с.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и дополн. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.
- Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 144 с.
- Микушев А. К. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): межвуз. сб. науч. ст. Ижевск: УдГУ, 1981. С. 5–16.
- Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / АН СССР. Ин-т географии. М.: Мысль, 1974. 382 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.: ил.
- Мытарев А. А. От Абы до Яи // Географический словарь Кемеровской области. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1970. 216 с.: ил. НГ – Нижегородская губернія. Списокъ населенныхъ местъ по сведеньямъ 1859 года. С.-Петербургъ, 1863.
- Никитин В. В., Соловьев Б. С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Вып. 1. 244 с.: ил.
- ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Петровых Ф. И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина) // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 275–277.
- Попов А. В. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Т. 49. Сб. секций землеведения и экономической / Изв. Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. общ-ва. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 131–140.
- Саблина О. Ф. Реки // Природа Новосибирской области. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 73–91.
- Татищевъ В. Н. Лексиконъ російской исторической, географической, политической и гражданской. С.-Петербургъ, 1793. Ч. 1.
- Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Уральского общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. 39. С. 81–112.
- Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Уч. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. С. 270–274.

- Терентьев В. А. Ностратические этимологии // *Этимология* 1977. М.: Наука, 1979. С. 159–163.
- Туркич А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угров XIX – начала XX вв. // *История топонимики в СССР: тезисы докладов / АН СССР, Моск. филиал геогр. общ-ва СССР, Ин-т рус. яз., Ин-т географ. М., 1967. С. 26–29.*
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (с приложением карты кантона). Краснококшайск, 1926а. Вып. 1. 63 с.
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Звениговский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926б. Вып. 3.
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926в (на обложке: 1927). Вып. 4. 86 с.
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Юринский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927а. Вып. 6. 120 с.
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Сернурский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927б (на обложке: Йошкар-Ола, 1928). 112 с.
- Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Торъяльский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Йошкар-Ола, 1929 (на обложке: 1930). Вып. 8. 88 с.
- Мункасэг В. A votjaik nyelv szótára. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Wotjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pécz. 1990. 837 old.

Куклин А. Н., доктор филологических наук, профессор.

Марийский государственный университет.

Пл. Ленина, 1, Йошкар-Ола, Россия, 424000.

E-mail: markaf@marsu.ru

Материал поступил в редакцию 5 августа 2014.

Kuklin A. N.

DULZON TRADITIONS IN STUDYING THE RELIC PLACE NAMES

A. P. Dulzon (09.11.1900–15.01.1973) is well known among the specialists in Uralic studies as the scholar with a wide range of research interests, the developer of the new fundamental principles of Samoyedic studies. Professor Dulzon is acknowledged for his significant contribution to the studies of the pre-russian population of Western Siberia: Chulym Tatars, Ket and Selkup languages, Yeniseic-Chukotsko-Koryak similarities in verb conjugation, common features of the Indo-European and Uralo-Altaic verb-forms, commonalities in noun declension of Indo-European and Yeniseic languages. A. P. Dulzon also focused his research on the study of hydronyms, their origin and semantics.

Special attention is paid to the study of ancient toponyms. According to A. P. Dulzon, the analysis of such toponyms is hampered by the complexity of their modern structure, the original form of which is often completely modified by numerous layers of previous place-names. The toponyms of the Ugro-Samoyedic origin belong to the ancient toponyms of the Ural-Volga area, and can be analysed by deciphering their complex phonetic and semantic structure modified in the past centuries.

The analysis points to the complexity of the ethnogenetic processes in the Ural-Volga area and Western Siberia. Consequently, it is impossible to study the existing toponymic system of the Ural-Volga area as formed by the peoples residing there at present and ignore the chronological periods of their formation and the influence of substrate, superstrate and other phenomena. The etymological interpretation of the hydronyms of the Ural-Volga area is impossible without extensive diachronic and synchronic comparative analysis, and without taking chronological and areal considerations. The comparative cartography of the hydronyms of the Ural-Volga area reveals their twin-hydronyms in Western Siberia.

Key words: *A. P. Dulzon, Ural-Volga area, toponymy.*

References

- Arhipov G. A. *Mariyskiy kray v pamyatnikakh arkheologii* [Mari region represented in archaeological monuments]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1976. 168 p. (in Russian).
- Arhipov G. A. Proiskhozhdenie mariyskogo naroda po arkheologicheskim dannym (s I tys. n. je.) [The origin of Mari people based on archeological data]. *Proiskhozhdenie mariyskogo naroda: materialy nauchnoy sessii, provedennoy MarNII (23–25 dekabrya 1965 g.)* [The origin of the Mari people: materials of the science session, held in MarNII (23–25 December 1965)]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1967. Pp. 36–52 (in Russian).
- Arslanov L. O proiskhozhdenii toponima Kenjer (Kiner) [On the origin of the toponym Kenjer (Kiner)]. *Uzlovye problemy sovremenogo finno-ugrovedeniya: materialy I Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii finno-ugrovedov* [Key problems of the modern Finno-Ugric studies: the materials of I All-Russian scientific conference of Finno-Ugric Studies]. Yoshkar-Ola, Mar. poligraficheskoy izd. kombinat Publ., 1995. Pp. 281–283 (in Russian).
- Bekker E. G. O nekotorykh paralelyakh v gidronimii Evropeyskogo Severa i Zapadnoy Sibiri [Some similarities of Northern European and Western Siberian hydronyms]. *Yazyki i toponimiya Sibiri – Languages and toponymy of Siberia*. Tomsk, TSU Publ., 1970a, no. 2, pp. 16–18 (in Russian).
- Bekker E. G. O nekotorykh sel'kupskikh geograficheskikh terminakh [On Selkup geographic terms]. *Yazyki i toponimiya Sibiri – Languages and toponymy of Siberia*. Tomsk, TSU Publ., 1970b, no. 3, pp. 8–11 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Byloe rasselenie ketov, po dannym toponimiki [The toponymic evidence of earlier Ket settlements]. *Voprosy geografii: nauchnyy sbornik Moskovskogo filiala Geograficheskogo obshchestva Soyuza SSR*. Moscow, Mysl' Publ., 1962, vol. 58: Geograficheskie nazvaniya, pp. 50–85 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Drevniye smeny narodov na territorii Tomskoy oblasti po dannym toponimiki [The toponymic evidence of ancient population migratory movements in Tomsk region]. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Seriya fiziko-matematicheskikh i estestvenno-geograficheskikh nauk*. Tomsk, TSPI Publ., 1950, vol. 6, pp. 175–187 (in Russian).
- Evropeus D. P. K voprosu o narodakh, obitavshikh v sredney i severnoy Rossii do pribytiya slavyan [About the peoples living in the middle and northern Russia before the Slavic arrival]. *Zhurnal Ministerstva Narodnago Prosveshcheniya*. Saint-Petersberg, 1868, July, pt. 139, pp. 55–71 (in Russian).
- Evropeus D. P. *Ob ugorском narode, obitavshem v sredney i severnoy Rossii, v Finlyandii i v severnoy chasti Skandinavii do pribytiya tuda nyneshnikh ikh zhiteley* [About the Ugric population living in the middle and northern Russia, Finland and the northern part of Scandinavia before the arrival of modern population]. Saint-Petersberg, 1874. 23 p. (in Russian).
- Evropeus D. P. O kurgannykh raskopkakh okolo pogosta Bezhetz Bezhetskogo uezda, Tverskoy gubernii [On mound excavations near the settlement of Bezhec Bezhec uezd in Tver' province]. *Zhurnal Ministerstva Narodnago Prosveshcheniya*. Saint-Petersberg, 1872, December (in Russian).
- Galkin I. E. *Kto i pochemu tak nazval. Rasskazy o geograficheskikh nazvaniyakh Mariyskogo kraya* [Who named the places like this and why. The stories about the geographical names of Mari region]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1991. 158 p. (in Russian).
- Garipova F. G. *Issledovaniya po gidronimii Tatarstana* [The study of hydronyms of Tatarstan]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 294 p. (in Russian).
- Istomin K. E. Novyye mezoliticheskie pamyatniki v Nizhnem Prikam'e i nekotoryye voprosy izucheniya Volgo-Kamskikh mezoliticheskikh kul'tur [New Mesolithic monuments in Lower Kama region and the studies of Volga-Kama Mesolithic cultures]. *Drevnie pamyatniki priustevogo Zakam'ya: materialy Novostrochnoy ekspeditsii Ministerstva kul'tury Respubliki Tatarstan*. Kazan', KSU Publ., 1993, no. 1, pp. 5–19 (in Russian).
- Ivanova M. G. *Istoki udmurtskogo naroda: uchebnoe posobie* [The history of Udmurt people: textbook]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994. 192 p. (in Russian).
- Iznoskov I. A. Spisok naselennykh mest Mamadyshskago uezda. Prilozheshe k ego referatu «O sokhranivshihysya predaniyakh po povodu nazvaniy russkikh i inorodcheskikh poseleniy v Kazanskoy i sosednikh s neyu guberniyakh [The list of the populated places in Mamadysh district. Appendix to the paper "On the existing stories about the names of the Russian and foreign settlements in Kazan province and adjacent areas"]. *Dva referata, chitannyye na IV Arkheologicheskom s"ezde v Kazani v 1877*. Kazan', 1882 (in Russian).
- Kazantsev D. E. *Formirovaniye dialektov mariyskogo yazyka (v svyazi s proiskhozhdeniem mariytsev)* [The formation of Mari dialects in connection with the history of Mari people]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1985. 160 p. (in Russian).
- KESK – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 388 p. (in Russian).

- Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii volgo-kamskogo gidroformanta -ga [To the study of origin of the Volgo-Kama hydronym component -ga]. *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995a, no. 22 (XXXI), pp. 86–99 (in Russian).
- Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii gidronimov na -enga/-en'ga [To the study of origin of the hydronyms in -enga/-en'ga]. *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995b, no. 23 (XXXI), pp. 188–195 (in Russian).
- Kuklin A. N. Ugorskiye elementy v toponimii Mariyskoy ASSR [Ugric components in the toponymic terms of Mari Soviet Republic]. *Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 3 s. Sessiones sectionum Linguistica. Debrecen, 1990. Pp. 118–123 (in Russian).
- Kuzakova E. A. *Slovar' mansi (vostochnyy dialekt)* [The Mansi dictionary (the Eastern dialect)]. Moscow, 1994. 315 p. (in Russian).
- Matveev A. K. Drevneural'skaya toponimika i ee proiskhozhdeniye [The ancient Uralic toponyms and their origin]. *Voprosy arkheologii Urala: Vtoroe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniye pri Ural'skom universitete 1–7 fevralya 1961 g. Itogi i problemy izucheniya arkheologii Urala / Ural'skiy filial nauchno-tekhnicheskogo soveta po gumanitarnym naukam pri MV i SSR RSFSR*. Sverdlovsk, 1961, no. 1, pp. 133–141 (in Russian).
- Matveev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Urala: kratkiy toponimicheskii slovar'* [The geographic names of the Ural area: a brief toponymic dictionary]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe Ural'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1980. 320 p. (in Russian).
- Matveev A. K. *Geograficheskiye nazvaniya Urala: kratkiy toponimicheskii slovar'* [The geographic names of the Ural area: a brief toponymic dictionary]. 2nd edition. Sverdlovsk, Sverdlovskoe Ural'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1987. 208 p. (in Russian).
- Mel'kheev M. N. *Geograficheskiye nazvaniya Prieniseyskoy Sibiri* [The geographic names of the Enisei area in Siberia]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo universiteta Publ., 1986. 144 p. (in Russian).
- Mikushev A. K. Istoriko-kul'turnyye vzaimosvyazi permskikh narodov [The historic and cultural relations of the Permian peoples]. *Istoriko-kul'turnyye svyazi permskikh narodov (po dannym fol'kloru i yazyka): mezhvuzovkiy sbornik nauchnykh statey*. Izhevsk, UdGU Publ., 1981. Pp. 5–16 (in Russian).
- Molchanova O. T. *Strukturnyye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya* [The structural types of the Turkic toponyms of Gorny Altai]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 1982. 256 p. (in Russian).
- Munkácsi B. *A votják nyelv szótára*. Lexicon linguae Votiacorurn (Wörterbuch des Wotjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Rjosz. 1990. 837 old.
- Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki* [The essays on toponymy]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 382 p. (in Russian).
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [The dictionary of folk geographic terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 653 p. (in Russian).
- Mytarev A. A. *Ot Aby do Yai. Geograficheskii slovar' Kemerovskoy oblasti* [From Aby to Jai. The dictionary of geographic terms of Kemerovo region]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1970. 216 p. (in Russian).
- NG – *Nizhegorodskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g.* [Nizhniy Novgorod province. The list of settlements of 1859]. Saint-Petersberg, 1863.
- Nikitin V. V., Solov'ev B. S. *Atlas arkheologicheskikh pamyatnikov Mariyskoy SSR* [The atlas of archaeological monuments of the Mari Soviet Republic]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1990, no. 1, 244 p. (in Russian).
- OFUYa – *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [The introduction to the Finno-Ugric Studies. The issues of application and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 484 p. (in Russian).
- Petrovykh F. I. Ugorskaya toponimika Srednego Prikam'ya (s primechaniyami prof. V. I. Lytkina) [The Ugric toponyms of the Middle Kama region (with the remarks of professor Lytkin)]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 275–277 (in Russian).
- Popov A. V. K voprosu o khorografii i paleoetnografii Irkutskoy gubernii [On the chorography and paleoethnography of the Irkutsk province]. *Ocherki po zemlevedeniyu i ekonomike Vostochnoy Sibiri*. Vol. 49. Sbornik sektsiy zemlevedeniya i ekonomicheskoy / Izv. Vost.-Sib. otdela Russk. geograf. obshchestva. Irkutsk, 1926, no. 2, pp. 131–140 (in Russian).
- Sablina O. F. Reki [The rivers]. *Priroda Novosibirskoy oblasti* [The nature of Novosibirsk region]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1968. Pp. 73–91 (in Russian).
- Tatishchev V. N. *Leksikon rossiyskiy istoricheskiy, geograficheskiy, politicheskiy i grazhdanskiy* [The Russian lexicon of historical, geographical, political studies and civilians]. Saint-Petersberg, 1793, ch. 1 (in Russian).
- Teploukhov A. F. O proisshedshey nekogda smene ugrov permyakami na Verkhney Kame, komi na Verkhney Vychege i udmurtami na Cheptse [On the substitution of the Ugric people by Permian people on the Upper Kama, by Komi people on the Upper Vychege and by Udmurt people on Chepets]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 270–274 (in Russian).

- Teploukhov A. F. Sledy bylogo prebyvaniya ugorskogo naroda v smezhnykh chastyakh Permskoy i Vyatskoy guberniy i posleduyushchaya smena ego permskim i russkim narodami [The evidence of the earlier stay of Ugric people in Perm and Vyatka provinces and the adjacent territories and their subsequent substitution by Permian and Russian people]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya*. Sverdlovsk, 1924, vol. 39, pp. 81–112 (in Russian).
- Terent'ev V. A. Nostraticheskie etimologii [Nostratic etymologies]. *Etimologiya* 1977. Moscow, Nauka Publ., 1979. Pp. 159–163 (in Russian).
- Turkik A. I. Toponimika Severa Rossii v trudakh finno-ugrov XIX – nachala XX vv. [The toponymy of the North of Russia represented in the works of the Finno-Ugrians in the XIX – early XX centuries]. *Istoriya toponimiki v SSSR: tezisy dokladov*. Moscow, 1967. Pp. 26–29 (in Russian).
- Vishnevskiy B. N. Sledy ugrov na Zapadnom Urale [The evidence of the Ugric presence in the Western Urals]. *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta – Scientific notes of Perm' University*, 1960, vol. 12, pp. 255–269 (in Russian).
- Vorob'eva I. A. Yazyk zemli. O mestnykh geograficheskikh nazvaniyakh Zapadnoy Sibiri [The language of the earth. On the local geographic names of Western Siberia]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1973. 152 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Koz'modem'yanskiy kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Koz'modem'yanskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926v (na oblozhke: 1927), no. 4, 86 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Krasnokokshayskiy kanton (s prilozheniem karty kantona)* [The description of the Mari region. Krasnokokshaysk canton (the map of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926a, no. 1, 63 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Sernurskiy kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Sernurskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1927b (na oblozhke: Yoshkar-Ola, 1928). 112 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Toryal'skiy kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Toryal'skiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Yoshkar-Ola, 1929 (na oblozhke: 1930), no. 8, 88 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Yurinskiy kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Yurinskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1927a, no. 6, 120 p. (in Russian).
- Yantemir M. N. *Opisanie Maroblasti. Zvenigovskiy kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona)* [The description of the Mari region. Zvenigovskiy canton (the list of the settlements of the canton is enclosed)]. Krasnokokshaysk, 1926b, no. 3 (in Russian).
- Zherebtsov L. N. *Istorko-kul'turnyye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historic and cultural relations of the Komi people with their neighbours]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 224 p. (in Russian).

Kuklin A. N.

Mari El State University.

Pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Russia, 424000.

E-mail: markaf@marsu.ru